

В старом поместье жило всего несколько человек, поэтому Хао Мэн с друзьями устроились по-королевски: каждому досталось по отдельной комнате. Стоило им закончить с вещами и наскоро умыться, как раздался звонок от дедушки Циня.

— Уже вернулись? — прогремел голос в трубке. — У меня и начинка готова, возвращайтесь скорее — будем лепить пельмени!

Цинь Лэ отложил телефон и обернулся к гостям:

— Есть желающие приобщиться к сельским традициям?

— Я! — тут же отозвалась Хао Мэн.

Девушка выросла в достатке: родители вечно пропадали на работе, дома всем заправляла прислуга, так что к плите она и за версту не подходила. Но стоило завести речь о «погружении в деревенскую жизнь», как в ней проснулся небывалый азарт. В итоге вся компания дружно направилась к дому бабушки Цинь.

Дом дедушки Циня был тем самым старым гнездом, которое он отстроил ещё к свадьбе. Просторное здание из шести комнат под сизой черепицей возводилось с расчётом на века — чтобы и сыновей здесь женить, и внуков растить. Кто же знал, что дети вырастут, добьются успеха и разъедутся по городам, оставив стариков одних в огромном доме? Лишь с возвращением Цинь Лэ здесь снова закипела жизнь.

Они остановились у порога. В щелях между потемневшими кирпичами пробивался нежный изумрудный мох. На дорожках, там, где в бетоне зияли тонкие трещины, уже тянулись к свету первые сорняки. Эта робкая зимняя зелень приятно радовала глаз. За массивными деревянными воротами под козырьком на восточной стороне висели длинные связки чеснока и алого перца. Городские ребята застыли, не в силах отвести взгляд.

— А я думала, такое только в кино для красоты вешают, — Хао Мэн, как ребёнок, удивлялась каждой мелочи. Она тут же выхватила телефон и принялась самозабвенно фотографировать чесночные гирлянды.

Цинь Кэ подошёл к ней и посмотрел на девушку с поистине отеческим состраданием.

— Дитя моё, неужели ты никогда не слышала, что искусство черпает вдохновение в реальности, хоть и стремится возвыситься над ней?

— То есть ты сейчас намекаешь, что я далека от реальности? — Хао Мэн сурово похлопала его по плечу. — Знаешь, дружочек, такие мысли опасны. Ты так совсем от народа оторвёшься, впадёшь в индивидуализм! Я же тебя спасаю!

Цин Кэ лишь вздохнул. «Неужели современные женщины все такие непростые? Неудивительно, что мужчины всё чаще ищут компании друг друга», — подумал он, мельком взглянув на Цинь Лэ и Шэнь Минляна. Сладкая парочка, сама того не зная, попала под раздачу.

Хао Мэн, решив, что её урок усвоен, гордо выпрямилась:

— Как человек, глубоко пустивший корни в народную почву, поделюсь наблюдением. Пока мы ехали, я видела в полях бескрайние заросли чеснока. Какая величественная картина! Сразу видно, что сельское хозяйство у нас на подъёме, а государственная программа по обеспечению населения овощами работает на отлично!

Все замерли. Ребята из вежливости старались не рассмеяться в голос, но предательски дрожащие плечи выдавали их с головой. Хао Мэн и двое студентов-практикантов растерянно переглядывались, не понимая, в чём подвох. (Да-да, не одна Хао Мэн так считала — современные горожане часто не могут отличить озимые от лука).

Чу Линь молча шагнул вперёд, заслоня девушку собой — лишь бы она не увидела правды и не сгорела со стыда.

Цинь Лэ мягко пояснил:

— Это не чеснок, Хао Мэн. Это всходы озимой пшеницы. Зимой она стоит такая же изумрудно-зелёная, как молодой лук, и только к лету нальётся золотом.

— Так вот ты какая, пшеница... — протянули девушки, и на их лицах отразилось искреннее просветление. — Век живи, век учись!

Остальные посмотрели на них взглядом «Ох уж эти неразумные смертные».

— Ну ладно, ладно! Поняли мы всё! — Хао Мэн, раскрасневшись от смущения, топнула ножкой и поспешила во двор.

Старый дом встречал их резными колоннами и изогнутыми скатами крыши, украшенными фигурками птиц и зверей. Большие деревянные окна в старинном стиле были испещрены искусной резьбой: здесь и облака, и иероглифы «счастье», и сороки на ветвях цветущей сливы.

Дедушка Цинь явно готовился к приёму гостей — всё было свежелокрашено, двор выметен дочиста. В углу примостились скамейки, искусно вырезанные из пней, а вместо подлокотников у них были причудливо изогнутые ветви. Бабушка Цинь уже наполнила до краёв кадки водой возле своего маленького садика.

Во внутреннем дворе бабушка Цинь вместе с парнями грузила разделанную тушу кабана,

чтобы отвезти на маичан — просторную площадку, где обычно сушат зерно. В деревне это место служило центром жизни: здесь играли свадьбы, отмечали праздники и устраивали пиры для всей округи. Хозяева выставляли домашние продукты, топили печи хворостом, а гости приносили с собой кто яйца, кто муку — так и праздновали всем миром под присмотром лучших деревенских поварих.

Пир в честь новоселья считался добрым знаком. Чем больше людей придёт «согреть дом», тем счастливее и благополучнее будет жизнь хозяев.

— Сегодня особенный день, — улыбнулась бабушка Цинь гостям. — Считайте, вы первые, кто вдыхает жизнь в наше новое жилище. Очень вовремя приехали!

Ребята немного засмутились, поняв, что заняли комнаты раньше самих хозяев, но бабушка Цинь лишь отмахнулась. Она с теплотой посмотрела на пухленькие щёчки Хао Мэн:

— Какая славная девчушка! Сразу видно — в дом удачу принесёт. С таким лицом только счастливой быть. И кому же такая радость достанется?

Хао Мэн, окончательно растеряв всю свою спесь, робко пролепетала:

— Спасибо, бабушка...

Чу Линь гордо выпрямил спину.

«Да, вкус у меня отменный. Моя будущая жена — просто сокровище!»

Бабушка Цинь засуетилась, собираясь на маичан:

— Ну, вы проходите в дом! Если силы есть — помогите старику пельмени налепить. Мясо он уже нарубил, а там, на площади, у нас уже котлы кипят, дел невпроворот, рук не хватает.

Все дружно закивали, обещая помочь.

— Ну, Ле-лэ, всё на тебе, — наказала бабушка внуку.

Цинь Лэ в шутовском поклоне сложил руки:

— Слушаюсь и повинуюсь, матушка-императрица! Задание будет выполнено в лучшем виде!

Бабушка Цинь, которая в последнее время пристрастилась к историческим драмам, величественно взмахнула рукой в точности как героиня из кино:

— Ступай. Коли справишься, наградой обижен не будешь. Довольно! С глаз моих!

Все дружно поклонились:

— Глубоко признательны, Ваше Величество!

Стоило бабушке уйти, как ребята переглянулись и расхохотались. Ну и театралы собрались!

В северных краях есть поговорка: «Пельмени — встречают, лапша — провожает». Сегодняшнее угощение было негласным знаком: «Вы дома».

— Дедушка мой — мастер по части начинки из свинины с зелёным луком. Пальчики оближете!
— хвастался Цинь Лэ, пока они переодевались.

Дедушка Цинь встретил их радушной улыбкой, но вскоре засобирался на маичан, решив оставить молодёжь наедине, чтобы не стеснять их своим присутствием.

В доме закипела работа. Цинь Лэ споро замешивал тесто, раскатывал тонкие сочни и ловко запечатывал первый пельмень:

— Видите? Проще простого!

Он обвёл взглядом компанию и удивлённо приподнял бровь:

— Надо же, не ожидал, что у нашего Демонического Короля такие умелые руки!

Чу Линь лишь хмыкнул, не отрываясь от дела:

— Приходилось помогать родителям. Набьёшь руку — само получается.

А вот у девушек дело не ладилось. Пельмени выходили кривобокими и несуразными, уступая даже тем, что лепили парни. Цинь Кэ только головой покачал:

— Хао Мэн, и ты ещё уверяла, что умеешь готовить? С такими талантами тебе мужа надо искать исключительно из поваров.

Хао Мэн надулась, но виду не подала:

— У меня есть верный союзник — лапша быстрого приготовления, и надёжный тыл в виде службы доставки. Прорвёмся!

— Это, пожалуй, самое важное условие, — подхватил Янь Ичжоу. — Иначе и вовсе голодной останешься. Жизнь — она ведь из еды да питья состоит. Лиши человека удовольствия вкусно поесть — и радости в жизни вполтину меньше станет!

Он переглянулся с Цин Кэ. «Свой человек!» — читалось в их глазах.

Цинь Лэ лишь довольно улыбался, наблюдая, как растёт его «клуб любителей поесть». В конце концов, львиная доля его дохода держалась именно на таких ценителях. Вкус и здоровье — вот главный девиз всего, что производило Помесье Буиюэху.

<http://bllate.org/book/17507/1662979>